

ЗЫБЧАВ ЛРО АЕГЛОДИЗ...

"ОПЯТЬ БАСТЕРА
СВОЕГО УБИВАЮ...
Он-гнида, на воле,
жизнью своей
наслаждается...
А я лишён
главного, я
лишён СВОБОДЫ...
Я не могу БЫТЬ
рядом со своей
СЕМЬЕЙ..."

"Ну, как сиделось
тебе? Поуинел
немного?"

Я здесь - КАК
В ОЗДОРОВИТЕЛЬНОМ
САНАТОРИИ... На
два года у меня
ПУТЕВКА В ЭТОТ
«САНАТОРИЙ». Но,
ЭТО НЕМНОГО
ЗА 2 КГ..."

ВЪЕБЫВАЙ
СТРАНА
ОЗВРАЩАЙСЯ
КАК ВСЯ

Ураи Тее

ГЛАВА 28. Часть первая. В тюрьме.

Как же мне жить дальше в Гоа? Неужели, всё-таки придётся уехать? Как я смогу жить, зная, что он где-то рядом? А может быть, нанять киллера и убить его? Полтюрьюмы согласится это сделать за пятьсот баксов. Злость и ненависть, переполняя меня, заставляет моё тело трястись. Схватив свою гантель, я до изнеможения тягаю ее, весь покрываясь потом. Немного становится легче, на руках появляются волдыри от мозолей, но боли не чувствуется совсем. Видимо, адреналин в моей крови просто зашкаливает. Как же так вышло, что меня подставили свои же, русские. В тысячный раз представляю в голове своё будущее освобождение. Я иду по Найт Маркету или по Вест-Энду, вокруг меня десятки моих друзей и знакомых, всежимают мне руку, поздравляя и радуясь моему освобождению. И тут я вижу его. Как же мне хотелось, чтобы он умер, или исчез до моего освобождения, но он – жив-здоров, и его маленькие, крысиные глазки бегают из стороны в сторону. Он, улыбаясь, протягивает мне свою руку: «Ну, как сиделось тебе? Поумнел немного?», – с улыбкой спрашивает он. И снова вспышка ненависти и злобы накатывает на меня до гула в ушах. Я очень хочу пожать ему руку и сказать: «Спасибо тебе за урок. Благодаря тебе я стал здоровее, сильнее, умнее. Я, наконец-то, подучил английский, я прочитал сотню книг, я избавился от балласта ненужных людей, поняв кто друзья, а кто нет. А самое главное, ты помог мне избавиться от розовых очков, в которых я приехал в Гоа. Передо мной снова открыт целый мир, я вырвался из этой ловушки, я снова могу радоваться жизни», но в моих руках оказывается тяжёлая пивная кружка, и я бью ею, со всей ненавистью, ему по зубам. Раскрошенные передние зубы летят, вместе с осколками кружки, в разные стороны. В руке у меня остаётся стеклянная ручка от кружки с острыми, как бритва, краями. Я наношу ею второй удар, прямо по горлу. Третий в живот. Четвертый, пятый... Кровь хлещет отовсюду. Крови столько, что его лица становится не видно. Вернувшись из своих безумных фантазий, я понимаю, что по-прежнему в тюрьме, в своей камере. Мои зубы стиснуты, а лицо перекошено от ненависти.

– Ты бы отдохнул, эй, русский! – выводит меня из оцепенения Доминик. Ты что, как Шварценеггер хочешь стать? Который месяц уже свою гантель с утра до ночи тягаешь.

– Опять бастера своего убиваю, – отвечаю я, бросив на пол свою гантель, сделанную из пластиковых бутылок. – Только благодаря упражнению удаётся избавиться от агрессии.

– Ты бы видел своё лицо, – говорит Дисай, пытаюсь поднять мою пластиковую пудовую гирию.

– Я знаю, какое у меня лицо. Днём и ночью вижу его рожу. Мечтаю только об одном, – о его смерти. Ведь он сейчас там, гнида, на воле, жизнью своей наслаждается. Кокаин нюхает, королём жизни себя считает. А я лишён самого главного, я лишён свободы. Я не могу быть рядом со своей семьёй. Моя дочка не может больше ходить здесь в школу, я не смогу здесь спокойно жить, зная, что он где-то рядом. Он отнял у меня моё Гоа. И ладно бы он это сделал из-за денег, а то ведь просто, чтобы выслужиться перед полицией. Я очень хотел бы его простить, я мечтаю об этом. Но, к сожалению, не знаю пока, как это сделать.

ГЛАВА 28. Часть вторая. На воле.

Забрав у меня сотовый телефон, плейер деньги, и выдав жетон с номером, охранник пропускает меня в тюрьму. Первый раз в своей жизни я нахожусь в тюрьме. Хотя, у меня нет ничего с собой криминального, я испытываю странные, тревожные ощущения, словно я преступник. Хочется поскорее покинуть это место. Пройдя мимо огромной, позолоченной статуи Будды, я попадаю на площадку для свиданий.

– Здорово, мой психоделический брат. Как тебе сидится в непальской тюрьме? – спрашиваю я Ромашку, прижав свою ладонь к его, через разделяющую нас металлическую сетку.

– Рад видеть тебя, Вася, хорошо, что приехал навестить. Сидится мне здесь неплохо. Поначалу животным себя чувствовал, а сейчас привык. Непальцы – народ неагрессивный, с ними сидеть можно. Здесь как кооператив «Тюрьма». Казённая еда, в принципе, неплохая, рис, горох, овощи. Но, можно и самому готовить еду, а если лень готовить, то за десять рупий охранник сбегает в ближайший ресторан и купит всё, что нужно. Если хочешь работать, для любого найдется работа. А хочешь бездельничать, – никто слова не скажет. Платят, конечно, копейки, но на ништяки непальцам хватает. Стукачество вот

только развито очень сильно. В открытую чараса не покуришь. Мне Гриша из Покары периодически курёхи подвозит. Вот только приходится курить его ночью, под одеялом, и в мокрое полотенце выдыхать, чтобы запаха не было. А ты, Вась, какими судьбами в Катманду попал?

– Я на пару деньков, последний раз в этом сезоне. Визу продлить, и хэмпом затарится. Нужно тканей конопляных купить, и в Россию отправить. Ты же знаешь, у нас там магазин.

– Да, я помню твою тему про конопляную революцию. Как твоя Лена? Как Василинка?

– У нас всё хорошо, скоро в Гоа отправляемся. А у тебя здесь что интересного? Как досуг проводишь?

– Да, в принципе, у меня всё хорошо, читаю книжки, пои научился крутить, йогой занимаюсь, штангу каждый день поднимаю. Смотри, как стал хорошо выглядеть.

Ромашка, оголив рукав, показывает мне свою мускулистую руку.

– А ведь два года назад я весь переломанный был. Приседать и отжиматься ни разу не мог. Я же год назад с третьего этажа упал. Занимался я как-то в Покаре на крыше отеля гимнастикой, год учился на руках ходить. И так у меня стало хорошо получаться, что решил я попробовать по парапету пройтись. Раз получилось, два, и – однажды рука соскользнула. Головой я с третьего этажа прямо на землю упал. Подбородком грудную клетку сломал, позвоночник повредил, руки-ноги были поломаны, чудом выжил. Так вот, сейчас я себя лучше чувствую, чем до падения. Я здесь – как в оздоровительном санатории.

– А сколько ещё «оздоравливаться» тебе здесь?

– На два года у меня путёвка в этот «санаторий». Но, это немного за два килограмма. Тут неделю назад одного русского выпустили, четыре года сидел за одиннадцать килограмм чараса. Налепил он из него статуэток разных, покрасил краской и повез в рашку. Непальцы его на границе сразу и раскусили. Хорошо, до рашки не долетел, там бы ему лет пятнадцать за это дали. А по непальским законам, от пяти килограмм до тонны – всего четыре года дают.

– А как же твоего подельника, Зонта, выпустили?

– Мне пришлось всё на себя взять. Так и срок меньше дают, да и он деньгами обещал помочь мне. Правда, сбежал, сука, сразу в Тайланд. Ну, да Бог ему судья. От кармы никуда не убежишь. А что нового у вас на воле? Как братва психоделическая поживает?

– После того, как тебя посадили, у всех проблемы пошли. У Илки в рашке посылку арестовали, она теперь невыездная, у Лёши с Лари-

сой одна посылка в Бельгии, одна в Москве задержана. А на меня в рашке в розыск менты подали.

– А тебя-то, Вась, за что?

– Точно пока не знаю, могу только догадываться. Отправлял Дэн в рашку пару килограмм моего чараса. Один московский контрабандист, по кличке Мор, заказывал. Всё у него было налажено. Свои менты на почте гашло получали, розничные продавцы по Москве развозили. Заказал он мне посылку в Москву отправить. После твоего ареста никто здесь на почту не отваживался пойти. Пришлось Дэну в Дели поехать, оттуда отправлять. А этим летом, видно, на всех почтампах в России рентген поставили. Короче говоря, приняли всю его московскую банду. А пока он на Канарах с родителями отдыхал, его подельники, недолго думая, сдали его. Прямо в аэропорту его и арестовали. Сейчас под следствием находится. Менты двести штук баксов потребовали, чтобы дело закрыть. Хотят на пятнадцать лет его посадить.

– Ну а ты-то, Вась, тут причём? Ты-то российских законов не нарушал?

– Я не знаю, причём тут я, может потому, что он у меня в Гоа гашло покупал. Может, его подельники про меня рассказали. Посылку я ему не отправлял, нигде моя фамилия не фигурировала.

– А откуда ты узнал, что ты в розыске?

– У меня друзья в Шереметьево работают, проверили меня по компьютеру. Говорят, что если я прилечу в Россию, меня сразу в аэропорту арестуют. Причём, статья по розыску у меня странная – «за мошенничество».

– Так ты мошенник, значит, – смеясь, говорит Ромашка, прижавшись к решётке лбом. Может, какие старые долги?

– Да я, вроде, никогда мошенничеством не занимался. И вообще, в России уголовный кодекс почти всегда уважал. Даже не знаю, что и думать.

– Нельзя тебе сейчас, в ближайшие годы, в рашку, – теперь у тебя уважительная причина.

– Это точно. Только не знаю, радоваться этому или нет.

– Добро пожаловать в клуб узников свободы.

– Ваше время закончилось, – прерывают наш разговор охранники.

– Вот тебе, Ромашка, фрукты и книжек несколько, держись и не падай духом, – говорю я, передавая пакет охранникам. Увидимся теперь, наверное, только в следующем году, мы скоро в Гоа отправляемся.

Мой друг молча провожает меня взглядом до самого угла, улыбувшись мне на прощание.

Я иду по узким шумным улочкам Катманду, вспоминая весёлого Ромашку, танцующего за ди-джейским пультом на нашем последнем пати. Как же так получается, что люди совершают такие глупые ошибки, которые приводят их в тюрьму? Почему он так расслабился, пренебрегая элементарными средствами безопасности? Ведь можно же было избежать этого. А может быть, просто иногда все в жизни так надоедает, что реальность перестаёт радовать. Может быть, Ромашка просто хотел избавиться от не устраивающей его реальности? Поэтому так расслабился, позволив отправить себя в отпуск в тюрьму. Ведь если реальность устраивает, то мозг не позволяет произойти такой ошибке. Наверное, люди попадают в тюрьму, когда они подсознательно соглашаются с ней, понимая, что реальность ничем не лучше. И, наверное, Ромашка тому прекрасный пример. Когда-то, в России, он был преуспевающим бизнесменом, занимающимся продажей нефтепродуктов. Но, потом что-то не заладилось, снежным комом стали расти долги, и он бежал от угрожающих ему кредиторов в Индию. Абсолютно без денег, с нуля, он снова поднялся, став гоанским драг-дилером. Казалось, что снова вернулась стабильность и благополучие, но судьбы подбросила ему ещё пару сюрпризов. Сначала ушла от него любимая девушка, от чего он очень долго не мог прийти в себя. Потом, кто-то из конкурентов сдал его полиции. Тогда он, легко отделавшись тысячей долларов, бежал в Непал, отказавшись платить ежемесячную дань и сдавать ментам своих друзей. Потом это дурацкое падение с крыши, наверное, он устал от сюрпризов судьбы, если решился, не задумываясь о последствиях, пойти на охраняемую полицейскими почту с двумя килограммами чараса, просто махнув рукой на себя со словами: «А, будь что будет». Рассуждая о превратностях судьбы, я шёл по старинным непальским улицам. Эта экскурсия в тюрьму абсолютно выбила меня из колеи, заставив ковыряться в своих собственных проблемах. Надо бы сконцентрироваться на легальном бизнесе. Не хочу я попасть в тюрьму. Надо купить сейчас конопляных тканей и отправить их в Россию, в наш «Хэмп». Хотя, какой он теперь наш, если я не могу вернуться на Родину.

– Привет, Джон.

– Хай, Вашья. Ты снова в Непале? Рад тебя видеть. Как твой русский «Хэмп» поживает?

– Хорошо, а как твой непальский?

– Вери гуд, – отвечает вечно улыбающийся американец, владелец большого магазина конопляных изделий в самом центре Катманду.

– Я вот опять хочу у тебя разных тканей прикупить, метров пять-сот. Сделаешь мне?

– Конечно, сделаю, пойдем только покурим сначала, а потом о делах поговорим. Всё что хочешь для тебя сделаю, и в Россию отправлю, – смеясь, говорит Джон, приколачивая огромный косяк, сделанный из лучшей гималайской марихуаны, смешанной с лучшим в Непале чарасом.

– Скажи мне, Джон, а ты всегда занимался легальным бизнесом? У тебя такой красивый магазин. Неужели у тебя получилось сделать это легальным способом?

Откинувшись на диване, обшитом конопляной тканью, я делаю затяжку из огромного, аккуратно скрученного джойнта.

– Я вот Джон, только что был в гостях у своего друга, сидит он у вас в тюрьме за два килограмма чараса. И мысли у меня в голове сейчас все об одном, как бы тоже туда не попасть, я ведь тоже приторговываю чарасом в Гоа.

– Эх, Вашья, Вашья, – хлопая меня по плечу, садится рядом американец. – В свое время я не то, что приторговывал, я торговал сотнями килограммов чараса и марихуаны. Мне просто повезло, что я повстречал здесь, в Индии, свою будущую жену. Благодаря ей, мне удалось вовремя остановиться. Она родила мне четверых детей, которых я люблю больше своей жизни. На деньги с продажи чараса я купил небольшую фабрику по производству нейлона. Если в Непале ты где-нибудь купишь качественный поланд, или сделанный из него чарас, то знай, что пробит он через мой нейлон. А ткани и одежда из конопли – это моё хобби. Там где я когда-то покупал на экспорт гашиш, сейчас я покупаю отходы их производства – конопляные стволы и листву. Практически вручную, в горных селениях, из них мне делают ткани, а жена моя разрабатывает дизайн и руководит производством одежды. Денег на чарасе я успел, слава Богу, достаточно заработать, до конца жизни хватит. Хэмпом я занимаюсь не для денег, а просто, чтобы скучно не было. А тюрьма – дело обычное, если наркотиками занимаешься. К ней всегда нужно быть готовым. Если не хочешь туда попасть, бросай тогда это дело. Глазом не успеешь моргнуть, как там окажешься. Ладно, не думай о плохом, меня Бог уберет от тюрьмы и тебя, надеюсь, убережет. Что покупать-то у меня в этот раз будешь?

– Отшил я из твоих тканей одежду пробную, всё продалось уже. Давай я куплю то же самое, что и в прошлый раз, и чего-нибудь нового. Мне бы только в Россию позвонить, может чего-нибудь ещё закажу.

– Звони с моего телефона, компания «Хэмп» оплачивает любые переговоры, – улыбаясь, говорит Джон, протягивая свой телефон. А я пока новые образцы тканей тебе принесу.

– Алё, привет Дымков, как дела у тебя?

– У меня неплохо, а вот у тебя, Вася, хуже некуда.

– Что такое случилось? Неужели прикрыли наш «Хэмп»?

– Торговый центр, где наш «Хэмп» продавался, закрывают на реконструкцию, на нашем месте теперь супермаркет будет.

– Но, мы же пятьдесят тысяч долларов вложили в магазин? Где же нам снова полтинник взять? И где мы новый магазин открывать будем?

– Вот я и не знаю, Вась, где ты возьмешь полтинник. В рашку тебе срочно возвращаться надо, разруливать эту проблему.

– Но, мы же управляющего тебе нашли? Смышлёная девка, когда-то в Бенеттоне работала.

– Да дура твоя управляющая, ты заварил эту кашу, тебе и расхлёбывать.

– Дымков, я бы может и захотел в рашку сейчас вернуться, только не могу я, да и денег у меня сейчас нет. Я только что пятьсот метров ткани вам заказал. А что, «Сам», больше не поддерживает проект «легалайза»?

– Да какой, на хрен, легалайз, очнись Вася, мне деньги отдавать придётся, если ты не приедешь.

– А что, без меня нельзя, что ли, этот бизнес вести?

– А кто это будет делать? Дура, что ли твоя, управляющая? Я уволил её. И вообще мне твой «Хэмп» на хер не нужен, у меня ночной клуб, концерты, гастроли. Приезжай в рашку и занимайся «Хэмпом» своим. Или продавай квартиру, возвращай долг и вали на все четыре стороны.

– Какой долг, Дымков? Это тебе обещали этот бизнес подарить, а я всего лишь был управляющим, с окладом восемьсот баксов. Я вообще подписался под этот проект из-за легалайза марихуаны. Ты же сам мне говорил, деньги не важны, главное – политическая ситуация в стране.

– Политическая ситуация изменилась. Если ты забыл, Путин у власти сейчас. У «Самого» половину бизнеса уже отобрали. Забудь про легалайз, возвращайся и въёбывай, как вся страна. Я всё сказал.